

СССР В НАЧАЛЕ 1930-х - ПРАЗДНИКИ И БУДНИ В ГОДЫ БОЛЬШИХ СВЕРШЕНИЙ ГЛАЗАМИ АВСТРАЛИЙКИ БЕТТИ РОЛАНД

*Вниманию читателей предлагаются страницы книги **Икра на Завтрак/Caviar for Breakfast** австралийской писательницы **Бетти Роланд (Betty Roland, настоящее имя Мэри Айсобел Маклин (Mary Isobel Maclean), 1903-1996)**. В 1933-1934 годах она жила и работала в СССР со своим любимым человеком - австралийским коммунистом **Гвидо Бараччи (Guido Baracchi, 1887-1975)**. Книга основана на ее дневниковых записях и содержит много интересных наблюдений, дополняющих то, что мы уже знаем о тех сложных временах. В ней есть страницы, имеющие определенное отношение к военной истории.*

Первомай в Москве

Завтра праздник Первого Мая. Город уже в возбуждении. Повсюду реют флаги, и на каждом здании висит портрет какого-нибудь национального героя. Наиболее часто это Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, реже Молотов и Ворошилов. По улицам маршируют солдаты. Они поют на ходу, и их сильные звучные голоса отражаются эхом от каменных стен и гранитных мостовых. Тротуары заполнены счастливыми людьми, идущими, держась за руки, смеющимися и возбужденными. Киоски бойко торгуют квасом и пивом. Короче говоря, город празднует. Ночью нас будят стук сапог марширующих солдат и грохот танков и бронемашин, проходящих по мосту под нашими окнами...

[Утром] мы оделись, поспешно позавтракали, спустились в фойе, где встретились с группой английских гостей, и стали ждать, когда нам скажут, что делать дальше. Замечательным пунктом программы нашего тура было гарантированное место на Красной Площади, откуда можно будет без помех смотреть парад, - привилегия верхних слоев общества. Появилась суетливая гидша со списком гостей. Она аккуратно проверила наши имена, убедившись в том, что никого не забыла, и здесь нет посторонних. Убедившись, что мы все имеем отношение к делу, она дала каждому значок с именем, пакет с бутербродами и попросила сходить напоследок в туалет. Это была последняя возможность, так как нам предстояло пробыть на Красной площади весь день.

После последнего пересчета голов и предупреждения о том, что нельзя ни в коем случае терять значки с именами или отделяться от группы, нас построили в колонну по двое и повели по мосту через Москва-реку на Красную площадь. Несомненно, каждого из нас раздражали бесконечные проверки на пропускных пунктах. Все лица внимательно рассматривались, каждый значок с именем внимательно изучался. В конце концов, мы добрались до своих мест на *[гостевой трибуне - ВК]*. Трудно поверить, но она была всего в нескольких футах от Мавзолея Ленина. Ни один глава государства или иностранный дипломат не смог бы получить такое место, и мы расселись с большим комфортом в ожидании грандиозного представления.

Тому, кто никогда не видел Красную Площадь, трудно представить себе ее размеры, величественность и красоту ее древних стен из красного кирпича, белоснежных дворцов, башен и позолоченных куполов, собора Василия Блаженного с его тыквоподобными сводами и луковичными куполами...

Этим первомайским утром вся площадь была усыпана желтым песком. Его не было и в помине прошлым вечером, и то, что это было сделано за столь короткое время, казалось чудом. Песок предназначался для того, чтобы приглушить грохот танков и бронемашин и, что особенно важно, для того, чтобы лошади не скользили по камням. Это был самый важный день для Москвы, и ничто, просто ничто не должно было омрачить великое торжество.

В тот момент, когда появились вожди Советского государства, донесся шум возбужденных голосов. Сталин и его когорта: Молотов, Калинин, Буденный, Литвинов и другие члены президиума заняли свои места на трибуне Мавзолея. Ровно в десять часов раздался бой часов Спасской башни, открылись массивные ворота, и маршал Ворошилов выехал на снежно-белом коне, чтобы объехать свои войска. Оркестры заиграли *Интернационал*, солдаты, которые прождали всю ночь в ожидании этого момента, замерли по стойке *мирно*, и грандиозное представление началось.

Сначала была произнесены слова верности (вероятно, это были поздравления войскам и ответные приветствия - ВК)... Затем начался объезд войск. Волны приветствий отмечали передвижение маршала и его свиты, проезжающих между шеренгами, построенными вдоль площади. В конце концов, он вернулся и возглавил первую колонну. Сталин поднял руку в салюте, и парад начался.

Сначала прошла пехота, маршируя с четкостью, которой мог бы позавидовать полк английской гвардии. Затем проскакала кавалерия - реликт уходящей, более романтической эпохи. Потом пошли танки, бронемшины, зенитные орудия - диковинные пушки, направленные в небо. Прожекторные установки, полевые кухни, санитарные автомобили; нет, не сотни, а тысячи - ряд за рядом шла военная мощь, словно потоп или поток лавы, в то время как небо было забито самолетами, шум моторов которых смешивался с ревом моторов механизированных воинских частей. Толпа пришла в неистовство, крича, приветствуя, махая руками, пока хватало сил, но представление продолжалось. Когда последний танк прогрохотал мимо и скрылся из виду, нестройными рядами пошли обычные люди, которые кричали, пели, танцевали, размахивали флагами и транспарантами, несли чучела [Джона Булля](#) и [Дяди Сэма](#) двойников-символов ненавистного буржуазного мира.

Необходимо заметить, что к этому моменту некоторые иностранные дипломаты удалились, чтобы избежать оскорбления, наносимого продемонстрированным неуважением к символам своих стран...

Бетти Роланд вместе с Гвидо Бараччи, первоначально приехав в СССР на три недели, решили задержаться и устроились на работу в Кооперативном Издательстве, выпускающем коммунистическую литературу на иностранных языках. Их свободное

время было насыщено культурными мероприятиями и встречами с интересными людьми...

В гостях у ОГПУ

14 августа. Наша жизнь в издательстве - это не только работа. Нам устраивают походы в театр, иногда в оперу или на балет, и все это предоставляется профсоюзом. В последний выходной день мы были гостями внушающей страх Политической Полиции - ОГПУ. Это основной инструмент государственного террора, но иногда ОГПУ демонстрирует другие стороны своей деятельности. Нас пригласили провести день в бывшем монастыре, расположенном в двадцати милях вниз по Москве-реке. Монахи давно исчезли, и теперь это приют для детей-сирот и брошенных детей, именуемых *беспризорными*. После революции появилось множество беспризорных детей, которые собирались в банды, терроризировавшие сельскую местность, воровали, грабили, а зачастую и убивали в своей отчаянной борьбе за существование. Сейчас их осталось совсем немного.

Все боятся сотрудников ОГПУ, но в то же время им завидуют. У них огромный престиж и почти неограниченная власть, красивая форма, самые лучшие квартиры и пайки и лучшие женщины. Если увидишь женщину, одетую, как проститутка, с отбеленными волосами, накрашенными губами и в шелковых чулках, то можешь быть уверенным - это жена или подруга человека из ОГПУ. Тем не менее, именно ОГПУ спасало беспризорных или, скорее, отобрало их у улицы, выловило из лесов и сделало все возможное, чтобы превратить их в честных граждан. Был снят великолепный фильм под названием *Путевка в Жизнь*, рассказывающий историю одного из этих юных воров и его перековки силами ОГПУ. Я видела его в Лондоне и очень хотела посетить Люберецкий монастырь, который был интересен не только сам по себе, но и тем, что в нем снимали этот фильм.

Нам сказали собраться на Лубянке, от одного имени которой кровь стынет в жилах русских. Мы посидели какое-то время в просторном холле, в основном, в молчании и с облегчением вздохнули, когда нас вывели на улицу, наполненную солнечным светом и звуками оркестра, под музыку которого нас повели к реке и посадили на двухпалубное речное судно. С этого момента общим настроением стало веселье, которое разделили и мы, и сотрудники ОГПУ, которые, во всяком случае, в тот день, сняли с себя свои зловещие маски и превратились в улыбающихся крестьянских парней, которыми они были когда-то, смеющихся от всей души и отпускающих шутки так же, как и все остальные. В изобилии было некрепкое пиво и квас, и мы плыли между низкими берегами Москвы-реки под *Очи Черные*, *Стеньку Разина* и красноармейские песни.

По прибытии на место нас встретил другой оркестр, на этот раз состоявший из обитателей монастыря. Обычное угощение из котлет и жареной картошки ждало в большой трапезной, после чего нас повели на экскурсию по обширному каменному зданию, по его мастерским, конюшням и амбарам. Люберецкий монастырь - ни в коем случае не тюремная ферма: его тяжелые ворота никогда не закрываются, и бывшие беспризорные могут приходить и уходить, когда им угодно. «Довольно многие из них исчезают весной, но мы видим, что большинство из них возвращается, когда наступают холода,» - сказал нам один из воспитателей. Дети помогают обрабатывать землю, их также учат читать и писать. Там есть мастерские, в которых им передают профессиональные навыки для того, чтобы у них была возможность зарабатывать себе на жизнь, когда придет их время выйти за ворота. Некоторые предпочитают остаться и играют ответственную роль в воспитании младших. Там был один плутовато выглядывший мальчишка с не сходящей с лица улыбкой и широкими монгольскими скулами, который оказался героем фильма, увиденного мною в Лондоне. Это был еще один волнующий момент того памятного дня.

Все увенчалось представлением пьесы, в которой мальчишки сами играли и которую сами написали. После этого мы вернулись на судно и отправились назад в Москву. На этот раз мы вели себя тише, поскольку все устали, но ожили, когда вновь заиграл оркестр и повел

нас по улицам, пока мы все не разошлись каждый своим путем. Немногие могут похвастаться тем, что были в гостях у ОГПУ и получили от этого удовольствие!

Ленинград

Бетти и Гвидо поселились в коммунальном доме для иностранцев.

17 октября. Наш юный польский друг привел к нам человека, говорящего по-английски. Его зовут Игорь. Теперь мы уже начеку, разглядев на нем куртку с меховой подкладкой и элегантные черные сапоги - верный знак принадлежности человека к ОГПУ. Он - коллега двух молодых людей, которых мы встретили в магазине [Торгсина](#) в день приезда. У него так же всегда наготове улыбка, он так же тактичен и очень нам нравится. Несомненно, он посматривал за нами и пришел к выводу, что от нас нет никакого вреда, так как через несколько дней после этого он пригласил нас к себе выпить водки.

Его комната стала для нас откровением. Неудивительно, что на него клюют хорошенькие женщины. По сравнению с нашей вшивой конурой это был дворец и в дореволюционные времена, вероятно, предназначался для епископа или какого-нибудь еще церковного иерарха. В углу была огромная старомодная русская печь, конечно, без огня, так как все здание имеет центральное отопление - единственную уступку комфорту.

Мы пили водку, как ветераны, и отвечали на тщательно подобранные вопросы, которые обрушил на нас наш молодой хозяин: все про Австралию, что привело нас в СССР, надолго ли мы приехали. На эти вопросы мы много раз отвечали в прошлом и устали от них, не понимая, что это было нормальной практикой ОГПУ - задавать одни и те же вопросы снова и снова, чтобы убедиться в схожести ответов: если они варьировали, сразу же возникали подозрения.

Очевидно, мы прошли проверку, поскольку вскоре после этого Игорь появился у нас в дверях и попытался уговорить Гвидо прогуляться с ним и поразвлечься. Я хотела, чтобы позвали и меня, но это должно было быть чисто мужским делом, и я там не требовалась. Гвидо, тем не менее, не поддавался на соблазн отвлечься от своих словарей, ссылаясь на необходимость выполнения дневной нормы. Игорю это не понравилось, и он, казалось, принял это за шутку, после чего Гвидо с раздражением строго заметил, что он отвлекает его от дел. Заметив, что Гвидо несомненно станет *ударником*, соблазнитель, в конце концов, удалился и оставил его в покое. После этого мы видели его редко, а жаль. Он был великолепен.

Гвидо и Бетти были в ужасе от общей бани в их доме, и их навели на мысль попытаться счастья в отеле «Европа». Симпатичный молодой человек из администрации был немало удивлен такой просьбой, но помог им в этом.

20 ноября. Джоу (*так представился молодой человек - ВК*) не был простым администратором. На нем была элегантная кожаная куртка и высокие черные сапоги, что указывало на его принадлежность к ОГПУ, но, на самом деле, он был очень приятным парнем. Все еще в легком удивлении, он сказал, что за один золотой английский фунт мы можем занять номер в гостинице, принять ванну и отдохнуть...

28 февраля Гвидо и Бетти вернулись домой с работы и обнаружили, что их комнату обворовали дочи́ста. Через несколько дней Бетти получила разрешение съездить в Лондон и привезти в Ленинград что-то из личных вещей, без которых их существование было бы невозможно. В день ее отъезда к ним на квартиру прибыл Джоу, подъехав на роскошном Линкольне. Он уже не скрывал своей принадлежности к органам безопасности и приехал, чтобы отвезти Бетти на вокзал. Однако, сначала он отвез австралийцев в какое-то мрачное здание, чтобы они идентифицировали обнаруженные

милицией украденные у них вещи и, по возможности, двух арестованных воров. Они не опознали воров, но узнали лишь немногие из уцелевших вещей.

В Лондоне

Перед отъездом Бетти попросили захватить с собой письмо и передать его адресату в Лондоне. Адресатом оказалась группа руководящих работников компартии Великобритании (КПВ). Бетти встретила с [Гарри Поллиттом](#), генеральным секретарем КПВ, и [Раджани Палмом Даттом](#), членом ЦК КПВ. После продолжительных и строгих расспросов, ее отпустили и попросили зайти перед отъездом в СССР...

Бетти отправилась в лондонский офис Интуриста за обратным билетом и разрешением на въезд в СССР. Там ее ожидал очередной допрос.

Меня отвели в один из кабинетов, где сидел человек с холодными взглядом. Он усадил меня, рассмотрел мое лицо, сравнил его с фотографией в паспорте. Затем он спросил о причинах моего желания вернуться в СССР так скоро после отъезда, а также, почему я поехала туда всего на двадцать один день, а осталась почти на год? Что я делала все это время? Что я имела ввиду, когда сказала, что работала? Разве я не знала, что туристы ни при каких обстоятельствах не должны искать работу в СССР?

Бетти разъяснила причины своей задержки в СССР, но ее рассказ не возымел действия. У нее отобрали паспорт и попросили зайти через два дня. Когда она вновь зашла в Интурист, ее уведомили, что ее виза не возобновлена. Гарри Поллитт посоветовал ей обратиться к советскому послу [Ивану Майскому](#), а затем обязательно сообщить ему о результатах визита. Вероятно, женские слезы разжалобили советского посла, и, в конце концов, разрешение на въезд в СССР было получено.

Когда Бетти вновь встретила с Поллиттом, он вручил ей письмо для передачи в СССР и связку книг. По пути, во время транзита через Германию, вещи Бетти обыскали, но все обошлось благополучно.

Снова в СССР

И вот, первая станция на советской земле...

Я едва ступила на платформу, как ко мне подошел человек в знакомой униформе ОГПУ. «У вас есть что-то с собой, что вы привезли из Лондона?» - осведомился он. Я была удивлена, так как не ожидала такой оперативности. В моей руке была связка книг. «Вот это?» - спросила я. Он замотал головой: «Нет. Что-то другое, я полагаю.» Мы пошли на таможню, где я открыла свой чемодан и передала ему конверт. Он взглянул на него, кивнул головой, поблагодарил меня и ушел.

Но это было еще не все. Зная, что дальше я буду путешествовать на советском поезде, и на хорошую кухню рассчитывать не приходится, я взяла из чемодана плитку шоколада и положила в карман пальто. Идя назад по платформе, я услышала за спиной шаги. Это был мой друг из ОГПУ, которому я передала конверт. «Покажите мне, что у Вас в кармане,» - он был уже совсем не так дружелюбен, как незадолго до этого. Улыбаясь как можно сердечнее, я достала плитку шоколада. «Прошу прощения, товарищ. Я ошибся,» - сказал смущенный молодой человек...

Москва. Гвидо встречает меня на вокзале, я торжествую. Презренный мелкий буржуа, которым я, вероятно, и была, успешно справился с партийным поручением...

В июле 1934 года Гвидо и Бетти отправились домой. Им предстояла поездка вниз по Волге до Сталинграда, затем на поезде через Ростов и Грузию в Батум, затем морем

в Крым, вновь на поезде в Одессу и оттуда морем в Великобританию. Им довелось многое увидеть: бедные маленькие городки, где единственное, на чем останавливался глаз, это купола церквей, толпы голодных людей у пристаней и здесь же красивый современный Саратов, после этого обветшавший, но все еще прекрасный и экзотический Тбилиси, элегантная Ялта и зажиточная Одесса. На пути домой они встретили немало интересных людей, в частности, [Джоу Кеннеди](#), старшего брата будущего президента США, в то время студента школы экономики в Лондоне, совершавшего поездку по СССР. В Одессе они столкнулись с австралийской парой, приехавшей в СССР из Сиднея помогать строить социализм и осевшей в Одессе... В конце августа 1934 Гвидо и Бетти покинули СССР.

В 1942 году Бетти и Гвидо расстались. Бетти посвятила свою жизнь литературе и приобрела известность. Гвидо отошел от коммунистического движения и позднее стал деятелем Лейбористской партии Австралии...

Возврат к главной странице www.warsstory.org